

Г. Г. Ишимбаева

Уфимский университет науки и технологий

**ВАЛЬТЕРСКОТТОВСКИЙ ДИСКУРС
РОМАНА М. ПАЙНКОФЕРА *БРАТСТВО РУН***

Цель статьи — изучение, во-первых, художественной рефлексии прошлого и перевода прошлого в нарративные тексты Вальтера Скотта и Михаэля Пайнкофера; во-вторых, формальных, содержательных, поэтологических особенностей вальтерскоттовского дискурса, которые структурируют романа Пайнкофера *Братство рун*. Актуальность и научная новизна статьи обусловлены тем, что дискурс-анализ как целостный комплекс аналитических методов интерпретации текстов является одним из универсальных и перспективных в современной гуманитаристике, а также тем, что дискурсивная методология, на которой основана рецепция романа Пайнкофера, пока не получившего внимания в отечественной филологии, позволила сделать существенные выводы о природе и глубинных базовых структурах романа. Семиотические основания и жанрово-стилистические особенности исторического романа были разработаны Скоттом, ставшим родоначальником современного исторического романа и создавшим собственный дискурс, отличающийся рядом специфических черт. Его ситуативный аспект всегда определяется эпохой глобальных потрясений, в результате которых начинается новый этап истории, реконструирующий миропорядок. Важное значение при этом уделяется детальному воспроизведению подробного исторического колорита, а также фольклорных, мифологических, культурных и национальных представлений народа. Ключевые концепты раскрываются в ходе развертывания дискурса исторического, авантюрного, воспитательного романа, главным сюжетным героем которого является ничем не примечательный молодой человек, переживающий в контексте большой истории личностную эволюцию. Художественно моделирующий историческое прошлое, Пайнкофер в романе *Братство рун* (2005) воспринял и переосмыслил вальтерскоттовскую матрицу исторического романа, вальтерскоттовский дискурс исторического романа и в своем *Братстве рун* продемонстрировал возможности использования традиции Скотта в XXI в. Гибридизация «по Вальтеру Скотту» вымысла и факта, следование вальтерскоттовской историософской и философской парадигме, включение прямых и опосредованных отсылок к романам Скотта, цитат и аллюзий порождают определенную метатекстовость, задавая

программу чтения романа и осмысления как его литературно-культурного кода, так и его дискурсивной природы.

Ключевые слова: Михаэль Пайнкофер; «Братство рун»; Вальтер Скотт; дискурс; вальтерскоттовский дискурс; исторический роман

1. Введение

Дискурс, многозначное понятие, универсальное для гуманитарных наук, и дискурс-анализ в последние десятилетия стали предметом комплексного междисциплинарного осмысления и научных дискуссий (Гийому & Мальдидье 1999; Тюпа 2001; ЙОРГЕНСЕН & ФИЛЛИПС 2008; РУСАКОВА & РУСАКОВ 2008; ТИЧЕР & al. 2009; Тюпа 2010; ПЛЕХАНОВА 2011; СОЛГАНИК & al. 2014; ПЛЕХОВА 2016; РОДИНА 2018; ЗОЛЯН 2020; СТАРОДУБОВА 2021; НИКОНЕНКО 2022; МАСЛОВ 2023; АНИСИМОВА & МИЛЕЕВА 2024; СНОУЛИАРАКИ 2005; GLYNOS & al. 2009). Процесс активизировался после лингвистического поворота в философии и историографии XX в., когда язык стал восприниматься как онтологическая и гносеологическая категория.

Не ставя своей целью обзор всех научных школ, занимающихся дискурсологией, выделим трех крупнейших специалистов в области нарратологии: Ролана Барта, Хейдена Уайта, Франклина Анкерсмита, которые многое сделали для исследования дискурса исторических повествований.

Барт интересовался конкретным произведением как воплощением универсальных повествовательных законов в рамках структурной поэтики сюжетостроения и признавал право на существование интерпретирующего литературоведения, которое генерирует определенные смыслы произведений и исследует законы построения литературной формы (БАРТ 1987; 2003; 2009). Уайт деконструировал традиционные подходы к историописаниям, утверждая, что способы построения нарративов о прошлом ничем не отличаются от приемов, которыми пользуются авторы художественных произведений о прошлом, выделяя четыре тропа, которые лежат в основе исторических сочинений (метафору, метонимию, синекдоху и иронию), и рассматривая архетипы, определяющие основу стратегий сюжетостроения (УАЙТ 2002). Анкерсмит связывал нарратив с интерпрета-

цией и нарративизм с конструированием нарративных интерпретаций прошлого, уточняя: «Нарративные интерпретации являются не знанием, но организацией знания» (АНКЕРСМИТ 2003: 123).

Барт, Уайт и Анкерсмит во многом определили вектор анализа типов построения сюжета в историческом нарративе, в том числе в нарративе исторического романа. При его анализе первостепенное значение начинает играть концептуальная схема, конструкция сюжета, интерпретация истории, организация художественного мира произведения — то, что структурирует способ презентации прошлого. Иначе говоря, тот дискурс, который оказывается интерпретативным инструментом для понимания прошлого.

Цель статьи — исследование, во-первых, художественной рефлексии прошлого и перевода прошлого в нарративные тексты Скотта и Пайнкофера; во-вторых, изучение формальных, содержательных, поэтологических особенностей вальтерскоттовского дискурса, которые структурируют роман Пайнкофера *Братство руи*. Актуальность и научная новизна статьи обусловлены тем, что дискурс-анализ как целостный комплекс аналитических методов интерпретации текстов является одним из универсальных и перспективных в современной гуманитаристике, а также тем, что дискурсивная методология, на которой основана рецепция романа Пайнкофера, пока не получившего внимания отечественной филологии, позволила сделать существенные выводы о его природе и глубинных базовых структурах.

2. Характеристика материала и методов исследования

Методологической основой исследования являются компаративистский, нарративный, дискурсивно-аналитический методы.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Корпус художественного текста системно структурирован многочисленными дискурсами — философскими, историческими, социальными, политическими, национальными, культурологическими, символическими, мифологическими, религиозными, литературными, авторскими. Они репрезентируют культурные коды писателя и общества в конкретном пространственно-временном континууме.

Полиморфность и многомерность дискурсивного пространства художественного текста предполагает исследование его глубинных базовых структур. В случае, когда речь идет об историческом романе, его семиотические основания и жанрово-стилистические особенности были разработаны Скоттом, творчество которого основательно изучено. Среди работ последних лет выделим статьи Т. Г. Лазаревой (ЛАЗАРЕВА 2009) и Б. М. Проксурнина (ПРОСКУРНИН 2012), коллективную монографию *Творчество Вальтера Скотта в пространстве мировой культуры* (ВОЛКОВ 2023), а также изданный в Тамбове библиографический указатель «Скотт В.» (ТУЕВА & al. 2021). Исследователи, анализирующие художественную историческую прозу, не могли и не могут игнорировать наследие Скотта, опыт его историко-философского мышления и новый тип его литературного творчества. Осмысление роли и значения Скотта в пространстве мировой культуры зачастую происходило и происходит в контексте анализа традиций «шотландского чародея» в творчестве отдельных писателей, представляющих разные национальные литературы. В свое время этому была посвящена и наша диссертация *Исторические романы В. Алексиса 30-50-х годов XIX века* (ИШИМБАЕВА 1989).

В настоящей работе мы пытаемся найти новые возможности анализа исторического романа и используем помимо общепотребимого понятия «традиция» понятие «вальтерскоттовский дискурс». Именно он обеспечил уникальную неповторимость исторических романов Скотта, оказал влияние на развитие и становление жанра исторического романа и определил его каноны. Вальтерскоттовский дискурс характеризуется рядом специфических черт. Его ситуативный аспект всегда определяется эпохой глобальных потрясений, в результате которых начинается новый этап истории, реконструирующий миропорядок. Важное значение при этом уделяется детальному воспроизведению подробного исторического колорита, а также фольклорных, мифологических, культурных и национальных представлений народа — движущей силы истории, что позволяет обозначить концептуальные особенности его ментальности, мировидения и мировоззрения. Ключевые концепты (жизнь, смерть, добро, зло, любовь, дружба, долг, счастье и т. д.) рас-

крываются в ходе развертывания дискурса исторического, авантюрного, воспитательного романа, главным сюжетным героем которого, как правило, является ничем не примечательный молодой человек, переживающий в контексте большой истории личностную эволюцию.

Художественно моделирующий историческое прошлое, Пайнкофер в романе *Братство рун* (2005) следует традиции Скотта и использует вальтерскоттовский дискурс. Об этом свидетельствует сама содержательность художественной формы произведения, одним из героев которого является сэр Вальтер Скотт, вместе со своим племянником в 1822 г. вынужденный расследовать преступления членов таинственного общества. Художественный вымысел в сочетании с документальными данными о шотландском писателе порождает определенную метатекстовость, задавая программу чтения романа и осмысления его литературно-культурного кода. С другой стороны, текст *Братства рун* сплетен из вальтерскоттовских явных и скрытых цитат, аллюзий, парафраз, что обретают в рамках дискурсивной практики Пайнкофера новые смыслы.

Традиции Вальтера Скотта представлены в романе прежде всего на уровне конфликтологии и поэтологии. Они обозначены уже в Прологе, действие которого строго хронологизировано: «Бэннокберн, 1314 год от Рождества Христова» (ПАЙНКОФЕР 2006: 3) и посвящено завершению одного из важнейших сражений англо-шотландских войн XIII — XIV столетий. Победа короля Роберта I Брюса над английскими отрядами Эдуарда II в битве при Бэннокберне обеспечила восстановление независимости Шотландии.

Крупным планом выписана в прологе древняя старуха, белая колдунья Кала, которая помнит, «как ее родина была завоевана англичанами и жестоко обращена в рабство» (ibid.: 5). Она осматривает поле, усеянное трупами погибших, видит монахов и мародеров, находит волшебный меч Роберта I Брюса, который, согласно повелению рун, был оставлен на поле боя, думает о великой победе и провидит в этой победе «зерна поражения» (ibid.: 7). Пятистраничный пролог очень важен, потому что здесь в концентрированном виде 1) определяются главные конфликты ро-

мана Пайнкофера — между Англией и Шотландией, между христианской церковью и древними верованиями; между шотландскими кланами; 2) раскрывается фольклорная основа произведения как принципиальная его сюжетобразующая составляющая.

Пайнкофер следует историзму Скотта, который проникает в прошлое и художественно осмысляет былое как особый мир, обуславливающий настоящее, показывает всю сложность и запутанность межнациональных и внутринациональных конфликтов, рисует амбивалентность результатов борьбы старого и нового, сопротивления тенденциям времени, стремится постичь народную жизнь и народный характер и через них общие закономерности в движении времени и изменениях нравов.

В шотландских сочинениях Скотта, как известно, раскрывается история многовековой борьбы Шотландии за независимость, ее вождей и героев, ее народа — в духе провиденциализма, с точки зрения проявляющегося в них высшего Промысла, Божьей воли. Скотт воспроизводит народное бытование и народное мировидение на широком историческом фоне, опираясь на достижения исторической науки своего времени и на фольклор, профессиональным знатоком которого был.

В отличающихся новизной стиля вальтерскоттовских поэмах *Мармион*, *Властитель островов*, *Рокби*, *Дева озера* даются живописные описания шотландских обычаев, романы *Уэверли*, *Гай Мэннеринг*, *Антиквар*, *Пуритане*, *Эдинбургская темница*, *Роб Рой*, *Легенда о Монтрозе*, *Пертская красавица*, *Дедушкина книга*, *История Шотландии* посвящены шотландской истории и повествуют о героической борьбе шотландцев против англичан. Шотландский патриот, Скотт, однако, считал себя британцем, поэтому в его творчестве ощутимо стремление к всестороннему показу шотландских и английских концептов, их правды и ошибок, их достоинств и недостатков. Он выступал за национальную идентичность и самобытность как англичан, так и шотландцев, и за их государственное единство.

Эти идеи находят выражение и в романе *Братство рун*, где Скотт объявляет свое credo, говоря о Шотландии:

Я слишком сильно люблю эту страну <...> Я и дальше буду делать все необходимое, чтобы она засияла по-новому, но не

вражду с англичанами, а идя рядом рука об руку (ПАЙНКОФЕР 2006: 570).

Это положительная программа романа *Братство рун*, раскрываемая на фоне проблем внутриклановых войн, а также столкновения местного и общегосударственного, что скрепляют все повествование Пайнкофера, который рассматривает их в контексте древних языческих верований, бытовавших в Лоулэнде и Хайленде на протяжении тысячелетий.

Ядро сюжета романа составляют предания о руническом мече, черных и белых друидах, ритуалах в круге камней, борьбе за власть. Пайнкофер выделяет в этой борьбе несколько знаковых имен и событий: Уильям Уоллес в битве при Стерлинге (1297) и при Фолкерке (1298), Роберт Брюс в битве при Бэннокберне (1314), резня в Гленкое (1692) как кровавый бой между кланами, якобитское восстание (1745). И всякий раз немецкий писатель следует вальтерскоттовскому принципу синтеза документа и вымысла, его пониманию истории как процесса необоримого движения вперед. Это обуславливает тональность изображения артионима «братство рун» и попыток его возрождения, предпринятых последователями черных друидов, которые в борьбе за власть стремятся повернуть колесо истории вспять, покончить с христианской церковью и вернуть веру в старых богов и демонов. Это определяет трактовку образов монахов во главе с аббатом Эндрю, которые выполняют принятый столетия тому назад их премонстратенским орденом обет: охранять тайны руны меча и противодействовать членам братства рун, которые «предались демоническим силам» (ibid.: 295) и служат злу. Это, наконец, раскрывает авторскую трактовку конфликта между христианской церковью и языческим братством, подчиняющимся черной магии, как «эпической битвы между светом и тьмой, бушующей с возникновения времен» (ibid.: 299). Важную роль в этой битве играет основатель тайного рунического союза Милленкорт, «демон» и «посланец тьмы» (ibid.: 440), который на протяжении столетий остается в живых и пытается подчинить шотландских вождей своей воле. Бой между светом и тьмой, противостояние христианского и демонического — эти сюжетные компоненты позволяют вписать роман Пайнкофера в си-

стему координат теомехии с ее конфликтом вселенского, библейского масштаба.

В своем теомехическом (авантюрном, детективном, готическом, мистическом, историческом) романе Пайнкофер использовал вальтерскоттовские приемы повествования. Это касается, в частности, фигуры безликого нарратора и героя-англичанина, которому доверяется основная повествовательная точка зрения. В *Уэверли* Скотта Шотландия представлена, например, глазами англичанина Эдуарда Уэверли, прибывшего в горную страну на военную службу, как поразительная неведомая земля, где ему доведется пережить головокружительные приключения. В соответствии с установкой государственника Скотта, роман венчает символический брак представителей двух старинных родов — дочь шотландского барона Роза Бредуордн выходит замуж за Эдуарда Уэверли.

В *Братстве рун* такой же исходный посыл, хотя и происходит гендерная замена: транслируется взгляд на Шотландию чужака, не англичанина, но англичанки. Мэри Эгтон едет к своему жениху шотландскому лэндлорду Малькольму Ратвену и в ходе долгого путешествия проверяет слухи о «невероятных вещах» в «дикой и холодной стране гор» (ПАЙНКОФЕР 2006: 40), о которых рассказывали у нее на родине, сталкивается с простыми крестьянами и высокородными лэрдами и эрдами. Перед ней открывается дикая красота горной страны и ее живописные пейзажи, она постигает неоднозначность характеров и поведения ее новых знакомых. Особенно подчеркнем «робройевское» начало в изображении шотландских горцев, одного из которых Мэри Эгтон спасает от расправы англичан. В них сильна клановость, развито чувство национальной гордости, живо сопротивление британскому насилию, они вызывают в героине чувство уважения и способствуют тому, чтобы она полюбила Шотландию. И нарратор подчеркивает, что эта любовь носит литературные корни: «По романам Вальтера Скотта, которые она прочитала», она еще прежде составила мнение «о стране по ту сторону границы» (ibid.: 61).

В дороге Мэри Эгтон читает роман Скотта *Айвенго* и, отвечая на вопрос своей камеристки Китти о его содержании, гово-

рит: «О любви <...>, о чести и о верности» (ПАЙНКОФЕР 2006: 45). Примечательно, что далее безликий нарратор впервые в пространстве романа Пайнкофера разражается эмоцией:

Скотт писал о времени, когда любовь и честь были больше, чем просто высокопарные слова. Его роман, действие которого разыгрывалось в средневековой Англии, повествовал о гордых рыцарях и благородных дамах, о героях, изнывающих от страсти к своим возлюбленным в рыцарской любви и защищающих их честь острым клинком... Об эпохе, которая была потеряна и, пожалуй, никогда больше не вернется вновь, унесенная ветром времени в небытие (ibid.: 46).

Автор-повествователь оставляет за кадром историко-философскую проблематику романа *Айвенго*, связанную с формированием единого народа, и концентрируется на теме рыцарской любви. Это представляется неслучайным: сюжетная линия Мэри Эгтон до известной степени аллюзивна по отношению к истории леди Ровены. Если Седрик Ротервудский мечтает выдать свою воспитанницу за потомка королевского рода Ательстана Кониингсбургского (во имя возрождения былого могущества саксов), принц Джон обещает ее норманнскому рыцарю Морису де Браси (чтобы заручиться верностью наемника в борьбе против короля Ричарда I), то родители Мэри Эгтон дали согласие на свадьбу дочери с богатым шотландским лэндлэрдом Малькольмом Ратвеном ради «материального <...> и общественного подъема» (ibid.: 41). Причины манипулирования судьбой женщины в романе Пайнкофера обмелъчали и обуржуазились, неизменной, однако, осталась тенденция, которую заметил Скотт, — использование женщины во имя неких целей.

Между тем женские нарративы Скотта и Пайнкофера визуализируют жизненные пути сильных, незаурядных личностей. Мэри Эгтон обладает паранормальными способностями и постигает пятисотлетнее прошлое через странные пророческие сны, где переживает трагическую судьбу Гвеннет Ратвен как свою собственную и, таким образом, интерпретирует реальные события своего времени, переживая настоящую реинкарнацию (и об этом на страницах романа размышляет Скотт). Мэри Эгтон чувствует внутреннюю связь с героиней романа Скотта: в

одном из эпизодов, когда ей грозит опасность и она вынуждена скрывать свое имя, она называет себя «Леди Ровена из Айвенго» (Пайнкофер 2006: 476), ассоциируя себя с литературным персонажем, проецируя личность леди Ровены на себя, что раскрывает читателю ее самопонимание и самоидентификацию, вводит в панораму ее самопрезентации вальтерскоттовский элемент.

Любопытно, что в образе жениха Мэри Эгтон также ощутимы аллюзии на персонажей романа *Айвенго*, на отрицательных персонажей — командира отряда наемников Мориса де Браси, норманского рыцаря храмовника Бриана де Буагильбера, барона Реджинальда Фрон де Бефа. В этой связи неслучайна в повествовании Пайнкофера реплика на описание замка Фрон де Бефа Торкильстон и его сюжетные функции в изображении замка Малькольма Ратвена. В портрет замка Фрон де Бефа внесены элементы сюжета и драматизма исторического времени, исторического комментария к событиям и героям — тот же принцип описания замка Малькольма Ратвена характерен для романа Пайнкофера.

Вальтерскоттовским мыслится и финал сюжетной линии Мэри Эгтон: она, как и леди Ровена, отстаивает свою независимость и выходит замуж за того, кого любит. В духе романтической традиции Мэри Эгтон сбегает от своего жениха, недостойного Ратвена (мотив недостойного жениха присутствует и в романе *Роб Рой*), конфликт с семьей которого носит показательно литературный характер (несостоявшаяся свекровь приказывает сжечь все книги Скотта, привезенные Мэри), и обретает счастье с другим представителем шотландского народа — благородным племянником Скотта Квентином Хеем.

Зерно концепции образа Квентина Хей также очевидно вальтерскоттовское. Он напоминает Скотту «персонажей» из его романов — «рыцарей и благородных джентльменов» (ibid.: 141). Как и англичанин Фрэнсис Осбалдистон из романа *Роб Рой*, Квентин Хей простодушен, наивен, ничем не примечателен поначалу, но честен, прямодушен, самоотвержен и постепенно взрослеет, обретая убеждения в соприкосновении с тайной. Оба героя отличаются великим благородством души и поэтому награждены личным счастьем и благополучием. В связи с этим

глубоко символичен финал романа Пайнкофера: Скотт провожает своего племянника и его жену, которые отправляются в Америку, где хотят начать «все заново» (ПАЙНКОФЕР 2006: 570). Вальтер Скотт в момент прощания грустит и вместе с тем понимает, что его племянник повзрослел, пройдя через испытания, и что его ждет «новое большое приключение» (ibid.: 523).

Осознание этого приводит его к решению назвать героя того романа, над которым он работает, именем племянника — *Квентин Дорвард*, один из знаковых романов Скотта, был издан в 1823 г., спустя год после описанных в романе Пайнкофера событий. Немецкий писатель, как видим, искусно сочетает историческую реальность с художественным вымыслом и в этом также следует традициям шотландского писателя.

Скотт создавал образы знаменитых деятелей истории, реальных исторических личностей, королей, вождей, полководцев и героев, согласно художественной теории вероятности и демонстрировал нерасторжимое единство правды и домысла. Тот же принцип использует Пайнкофер при сочинении образа Скотта как героя романа *Братство рун*. Реконструируя его характер, мысли и чувства, мировоззренческие установки, вписывая его в эпоху, Пайнкофер изображает Скотта в трех планах — бытовом, творческом, сущностном. В результате немецкий писатель создает своего рода «текст личности» (ЕРОХИНА 2009) Скотта, размывая границы между беллетризованной биографией и квазибиографией и обусловливая тем самым как свою мистификацию (Вальтер Скотт в ситуационной роли Шерлока Холмса 20-х гг. XIX в.), так и литературный диалог с вальтерскоттовскими текстами, которые задают программу чтения текста романа Пайнкофера и его код, декодируют содержание и обусловливают информационно-смысловое углубление текста романа, его сущностные формально-содержательные основы, его глубинные базовые структуры и раскрывают механизмы смыслопорождения и смыслопонимания.

4. Заключение

Лингвистический поворот в философии и историографии XX в. определяет тот факт, что методы науки о языке стали применяться к исследованиям разных историописаний. В настоящем компаративистском исследовании, основанном на концептуаль-

ных идеях Барта, Уайта и Анкерсмита и посвященном историческому роману, была сделана попытка двойной дешифровки текстов о прошлом — Скотта и Пайнкофера. Это позволило понять, как современный немецкий писатель, используя вальтерскоттовский дискурс, воссоздал художественный мир прошлого в романе *Братство жуи*.

Анализ способов структурирования художественного исторического текста и презентации прошлого в историческом романе не просто методологическая новация частного порядка, но перспективное направление в изучении поэтики жанра исторического романа и исторической дискурсологии.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Анисимова Е. Е., Милеева О. А. Религиозный дискурс: антропологический и лингвокультурологический аспекты. М.: Триумф, 2024. [Anisimova, Yelena E. & Mileeva, Olga A. (2024) *Religioznyy diskurs: antropologicheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* (Religious Discourse: Anthropological and Linguocultural Aspects). Moscow: Triumf. (In Russian)].
- Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. [Ankersmith, Frank Rudolf. (2003) *Istoriya i tropologiya: vzlet i padeniye metafory* (History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor). Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russian)].
- Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв. / ред. К. Г. Косиков. М.: Московский гос. ун-т, 1987. С. 387—433. [Barthes, Roland. (1987) *Vvedeniye v strukturnyy analiz povestvoatel'nykh tekstov* (Introduction to the Structural Analysis of Narrative Texts). In: Kosikov, Georgiy K. (ed.) *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX—XX vv.* (Foreign Aesthetics and Theory of Literature of the 19th — 20th centuries). Moscow: Moscow University Publishing House. (In Russian)].
- Барт Р. Дискурс истории // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 427—441. [Barthes, Roland. (2003) *Diskurs istorii* (Discourse of History). In: Barthes, Roland. *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* (Fashion System. Articles on Semiotics of Culture). Moscow: Sabashnikovs Publishing House. (In Russian)].

- Барт Р. S/Z . М.: Академический проект, 2009. [Barthes, Roland. (2009) S/Z (S/Z). Moscow: Akademicheskiiy proyekt. (In Russian)].
- Волков И. О. (ред.) Творчество Вальтера Скотта в пространстве мировой культуры. Томск: Томский гос. ун-т, 2023. [Volkov, Ivan O. (ed.) (2023) *Tvorchestvo Val'tera Skotta v prostranstve mirovoy kul'tury* (The Work of Walter Scott in the Space of World Culture) Tomsk: Tomsk State University. (In Russian)].
- Гийому Ж., Мальдидье Д. О новых приемах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 124—136. [Guillaume, Jean & Maldidier, Didier. (1999) O novykh priemakh interpretatsii, ili problema smysla s tochki zreniya analiza diskursa (On New Methods of Interpretation, Or the Problem of Meaning from the Viewpoint of Discourse Analysis). In: *Kvadratura smysla: Francuzskaya shkola analiza diskursa* (The Quadrature of Meaning: The French School of Discourse Analysis). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты / ред. Г. Я. Солганик и др. М.: Флинта: Наука, 2014. [Solganik, Grigoriy Ya. & al. (eds) (2014) *Diskurs i stil': teoreticheskiye i prikladnyye aspekty* (Discourse and Style: Theoretical and Applied Aspects). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].
- Ерохина Т. И. Личность и текст в культуре русского символизма. Ярославль: Ярославский гос. педагогический ун-т им. К.Д. Ушинского, 2009. [Erokhina, Tatyana I. (2009) *Lichnost' i tekst v kul'ture russkogo simvolizma* (Personality and Text in the Culture of Russian Symbolism). Yaroslavl': Yaroslavl' State Pedagogical University. (In Russian)].
- Золян С. Т. Дискурс: объект или конструкт? // Иностранные языки в высшей школе. 2020. № 2 (53). С. 7—17. [Zolyan, Suren T. (2020) Diskurs: obyekt ili konstrukt? (Discourse: Object or Construct?). In: *ostrannye yazyki v vysshey shkole* (Foreign Languages in Higher Education), 2, 7—17. (In Russian)].
- Ишимбаева Г. Г. Исторические романы В. Алексиса 30—50-х годов XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05. М.: Московский гос. ун-т, 1989. [Ishimbaeva, Galina G. (1989) *Istoricheskiye romany V. Aleksisa 30—50-kh godov XIX veka* (Historical Novels by V. Alexis of the 30—50s of the 19th Century). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State University. (In Russian)].

- Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный Центр, 2008. [Jorgensen, Marianne V. & Fillips, Louise. (2008) *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* (The Discourse Analysis. The Theory and Method). Khar'kov: Gumanitarnyy Tsent. (In Russian)].
- Лазарева Т. Г. Возвращение к роману о средневековье: Умберто Эко и Вальтер Скотт // Известия РГПУ им. А. И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки. 2009. № 87. С. 115—122. [Lazareva, Tatyana G. (2009) *Vozvrashcheniye k romanu o srednevekovye: Umberto Eko i Val'ter Skott* (Return to the Novel About the Middle Ages: Umberto Eco and Walter Scott). *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena: Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki* (Izvestiya: Herzen University Journal of Humanities & Sciences), 87, 115—122. (In Russian)].
- Маслов Е. С. Время в нарративе: «фабула — сюжет» и «история — дискурс» vs семиотический треугольник // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8. № 3. С. 10—27. [Maslov, Yevgeniy S. (2023) *Vremya v narrative: "fabula — syuzhet" i "istoriya — diskurs" vs semioticheskiy treugol'nik* (Time in Narrative: "Story — Plot" and "History — Discourse" vs Semiotic Triangle). *Studia Litterarum*, 3, 10—27. (In Russian)].
- Никоненко С. В. К вопросу о дискурсивном характере исторического языка: Исследование оснований релятивизма в аналитической философии истории // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 35—44. [Nikonenko, Sergey V. (2022) *K voprosu o diskursivnom kharaktere istoricheskogo yazyka: Issledovaniye osnovaniy relyativizma v analiticheskoy filosofii istorii* (On the Issue of the Discursive Nature of Historical Language: A Study of the Foundations of Relativism in the Analytical Philosophy of History). *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, 68, 35—44. (In Russian)].
- Пайнкофер М. Братство рун. М.: АСТ; Хранитель, 2006. [Peinkofer, Michael. (2006) *Bratstvo run* (Brotherhood of Runes). Moscow: AST; Khranitel'. (In Russian)].
- Плеханова Т. Ф. Дискурс-анализ текста. Минск: Тетра-системс, 2011. [Plekhanova, Tatyana F. (2011) *Diskurs-analiz teksta* (Discourse Analysis of Text). Minsk: Tetra-sistems. (In Russian)].
- Плехова О. Г. Исторический дискурс: институциональные характеристики // Известия Волгоградского Государственного Педагогического Университета. 2016. № 2 (106). С. 99—105. [Plekhoa, Olga G. (2016) *Istoricheskiy diskurs: institutsional'nyye kharakteristiki*

- (Historical Discourse: Institutional Characteristics). *News of the Volgograd State Pedagogical University*, 2, 99—105. (In Russian)].
- Проскурнин Б. М. Актуален ли Вальтер Скотт сегодня? // Вестник Пермского университета, 2012. № 3. С. 196—201. [Proskurnin, Boris M. (2012) Aktualen li Val'ter Skott segodnya? (Is Walter Scott still relevant today?). *Bulletin of Perm University*, 3, 196—201. (In Russian)].
- Родина В. В. Дискурс: генезис, природа и содержание: обзор научных школ // Проблемы языкознания и теории коммуникации. 2018. С. 101—111. [Rodina, Valeriya V. (2018) Diskurs: genezis, priroda i sodержaniye: obzor nauchnykh shkol (Discourse: Genesis, Nature and Content: Review of Scientific Schools). In: *Problemy yazykoznaniiya i teorii kommunikatsii* (Problems of Linguistics and Communication Theory). (In Russian)].
- Русакова О. Ф., Русаков В. М. PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2008. [Rusakova, Olga F. & Rusakov, Vasilii M. (2008) *PR-Diskurs: Teoretiko-Metodologicheskii Analiz* (PR Discourse: Theoretical and Methodological Analysis). Yekaterinburg: The Institute of Philosophy and Justice. (In Russian)].
- СКОТТ В.: библиографический указатель / ред. О. А. Суслова. Тамбов: Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина, 2021. [Suslova, Olga A. (2021) *Skott W.: bibliograficheskii ukazatel'* (Scott W.: Bibliographic Index) Tambov: Tambov Regional Library. (In Russian)].
- Стародубова О. Ю. Анатомия текста и дискурса. Ч. 1: Художественный дискурс и механизмы конструирования модели действительности. Чебоксары: Среда, 2021. [Starodubova, Olga Yu. (2021) *Anatomiya teksta i diskursa. 1: Khudozhestvennyy diskurs i mekhanizmy konstruirovaniya modeli deystvitel'nosti* (Anatomy of Text and Discourse. Part 1: Artistic Discourse and Mechanisms for Constructing a Model of Reality). Cheboksary: Sreda. (In Russian)].
- Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. [Titscher, Stephen; Meyer, Michael; Vodak, Ruth & Vetter, Eve. (2009) *Metody analiza teksta i diskursa* (Methods of Text and Discourse Analysis) Khar'kov: Gumanitarnyy Tsentr. (In Russian)].
- Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова). Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. [Tyupa, Valeriy I. (2001) *Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa* ("Arhierey" A. P. Chekhova) (Narratology as an Analytics of

- Narrative Discourse ("The Bishop" by A. P. Chekhov). Tver': Tver' State University. (In Russian)].
- Тюна В. И. Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. [Tyuna, Valeriy I. (2010) *Diskursnyye formatsii: Ocherki po komparativnoy ritorike* (Discourse Formations: Essays on Comparative Rhetoric) Moscow: LRC Publishers. (In Russian)].
- Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе девятнадцатого столетия / ред. Е. Г. Трубина, В. В. Харитонов. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2002. [White, Hayden. (2002) *Metaistoriya. Istoricheskoye voobrazheniye v Evrope devyatnadsatogo stoletiya* (Metahistory: the Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe). Yekaterinburg: Ural State University. (In Russian)].
- Chouliaraki, Lilie & Fairclough, Norman. (2005) *Rethinking Critical Discourse Analysis*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Glynos, Jason; Howarth, David & Norval, Aletta. (2009) *Discourse Analysis: Varieties and Methods*. Colchester: University of Essex.

Galina G. Ishimbaeva
Ufa University of Science and Technology

**The Walter Scott Discourse
of M. Peinkofer's Novel *The Brotherhood of Runes***

The purpose of the article is to study, firstly, the artistic reflection of the past and the embodiment of the past into narrative texts of Walter Scott and Michael Peinkofer; secondly, the formal, substantive, and poetical features of Scott's discourse which structure Peinkofer's novel *The Brotherhood of the Runes*. The relevance and scientific novelty of the article are due to the fact that discourse analysis as an integral set of analytical methods for interpreting texts is one of the universal and promising in modern humanities, as well as the fact that the discursive methodology on which the reception of Peinkofer's novel is based and which has not yet received attention in Russian philology, allowed us to draw significant conclusions about its nature and deep basic structures. The semiotic basis and genre-stylistic features of the historical novel were developed by Walter Scott who became the founder of the modern historical novel and created his own discourse characterized by a number of peculiarities. Its situational aspect is always determined by the era of global upheavals, as a result of which a new stage of history reconstructing the world order begins. Great importance is attached to the detailed reproduction of the comprehensive

historical flavor, as well as folklore, mythological, cultural and national representations of the people. The key concepts are revealed during the unfolding of the discourse of the historical, adventurous, educational novel, the main plot character of which is an unremarkable young man experiencing personal evolution in the context of a great story. Artistically modeling the historical past, Peinkofer in his novel *The Brotherhood of Runes* (2005) perceived and reinterpreted the Scott's matrix of the historical novel, the Scott's discourse of the historical novel, and in his *The Brotherhood of the Runes* demonstrated the possibilities of using the tradition of Walter Scott in the 21st century. The hybridization of fiction and fact "according to Walter Scott", following the Walter Scott historiosophical and philosophical paradigm, the inclusion of direct and indirect references to Scott's novels, quotations and allusions generate a certain metatextuality, setting a program for reading the novel and understanding both its literary and cultural code and its discursive nature.

Keywords: Michael Peinkofer; "The Brotherhood of Runes"; discourse; the Walter Scott discourse; historical novel

Для цитирования:

Ишимбаева Г. Г. Вальтерскоттовский дискурс романа М. Пайнкофера «Братство Рун» // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 325—341.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-325-341.

To cite this Article:

Ishimbaeva, Galina G. (2025) Val'terskottovskiy diskurs romana M. Paynkofera "Bratstvo Run" (The Walter Scott Discourse of M. Peinkofer's Novel "The Brotherhood of Runes"). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 325—341. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-325-341.

Статья поступила в редакцию 09.02.2025; принята к публикации 09.03.2025

The article was submitted 09.02.2025; accepted for publication 09.03.2025